

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 4 (50)
2024

Главный редакторакадемик АН РТ, доктор исторических наук **А.Г. Ситдиков****Заместители главного редактора:**член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**доктор исторических наук **Ю.А. Зеленева**Ответственный секретарь – кандидат ветеринарных наук **Г.Ш. Асылгараева****Редакционный совет:**

Б.А. Байтанаев – академик НАН РК, доктор исторических наук (Алматы, Казахстан) (председатель), **Х.А. Амирханов** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), **С.Г. Бочаров** – кандидат исторических наук (Севастополь, Россия), **П. Георгиев** – доктор наук, доцент (Шумен, Болгария), **Е.П. Казаков** – доктор исторических наук (Казань, Россия), **Н.Н. Крадин** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия), **А. Тюрк** – Ph.D. (Будапешт, Венгрия), **А.А. Тишкин** – доктор исторических наук, профессор (Барнаул, Россия), **В.С. Синика** – доктор исторических наук (Тирасполь, Молдова), **Б.В. Базаров** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор (Улан-Удэ, Россия), **Д.С. Коробов** – доктор исторических наук, профессор РАН (Москва, Россия), **О.В. Кузьмина** – кандидат исторических наук (Самара, Россия), **П. Дегри** – профессор (Лёвен, Бельгия), **Вэй Джан** – Ph.D, профессор (Пекин, Китай), **А.С. Сагдуллаев** – академик АН РУз, доктор исторических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), **Р.Х. Сулейманов** – доктор исторических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), **М.М. Саидов** – доктор исторических наук, профессор (Самарканд, Узбекистан), **Ш.Б. Шайдуллаев** – доктор исторических наук, профессор (Термез, Узбекистан)

Редакционная коллегия:

А.А. Выборнов – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)
М.Ш. Галимова – кандидат исторических наук (Казань, Россия)
Р.Д. Голдина – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)
С.В. Кузьминых – кандидат исторических наук (Москва, Россия)
А.Е. Леонтьев – доктор исторических наук (Москва, Россия)
Т.Б. Никитина – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)
А.А. Чижевский – кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Ответственные за выпуск:

А.Г. Ситдиков – академик АН РТ, доктор исторических наук

Д.К. Тулуш – кандидат исторических наук

Адрес редакции:

420012 Республика Татарстан, г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс ПП753,

электронный Каталог печатных изданий "ПОЧТА РОССИИ"

Выходит 4 раза в год

© ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», 2024

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2024

© Журнал «Поволжская археология», 2024

Editor-in-Chief:

Academician of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**

Deputy Chief Editors:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences **F. Sh. Khuzin**
Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zelenev**
Executive Secretary – Candidate of Veterinary Sciences **G. Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

B. A. Baitanayev – of the Nacional Academy of the RK, Doctor of Historical Sciences (Almaty, Republic of Kazakhstan) (chairman), **Kh. A. Amirkhanov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **S. G. Bocharov** – Candidate of Historical Sciences (Sevastopol, Russian Federation), **P. Georgiev** – Doctor of Historical Sciences (Shumen, Bulgaria), **E. P. Kazakov** – Doctor of Historical Sciences (Kazan, Russian Federation), **N. N. Kradin** – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation), **A. Türk** – Ph.D. (Budapest, Hungary), **A. A. Tishkin** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Barnaul, Russian Federation), **V. S. Sinika** – Doctor of Historical Sciences (Tiraspol, Moldova), **B. V. Bazarov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Ulan-Ude, Russian Federation), **D. S. Korobov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **O. V. Kuzmina** – Candidate of Historical Sciences (Samara, Russian Federation), **P. Degryse** – Professor (Leuven, Belgium), **Wei Jian** – Ph.D, Professor (Beijing, China), **A. S. Sagdullaev** – Academician of the National Academy of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Historical Sciences, Professor (Tashkent, Republic of Uzbekistan), **R. Kh. Suleymanov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Tashkent, Republic of Uzbekistan), **M. M. Saidov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samarkand, Republic of Uzbekistan), **Sh. B. Shaidullaev** – Doctor of Historical Sciences, Republic of Professor (Termez, Uzbekistan)

Editorial Board:

A. A. Vybornov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)
M. Sh. Galimova – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
R. D. Goldina – Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)
S. V. Kuzminykh – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
A. E. Leont'ev – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T. B. Nikitina – Doctor of Historical Sciences (Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev, Yoshkar-Ola, Russian Federation)
A. A. Chizhevsky – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

Responsible for Issue

A. G. Sitdikov – Academician of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences
D. K. Tulush – Candidate of Historical Sciences

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2024

© Mari State University, 2024

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Journal, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии.....8

**Культурно-исторические процессы
в евразийских степях в эпоху раннего металла:
феномен ранних кочевников Евразии, традиции и инновации**

Grumeza L., Cojocaru V. (Iasi, Romania)
On the edge of the eurasian steppes: the sarmatian culture
in the 1st–3rd centuries ad east of the Carpathians.....12

Кириченко Д.А. (Баку, Азербайджанская Республика)
Скифы в Азербайджане: история одного убийства
(археология и антропология)24

Хаванский А.И. (Москва, Россия), Бисембаев А.А. (Алматы, Казахстан)
Ранняя бронза степного Приуралья и Западного Казахстана:
некоторые итоги и перспективы исследования.....31

Варенов А.В. (Новосибирск, Россия)
Бронзовые колеса со спицами из Саньсиндуя
и древнеиндийские мифы о Гаруде43

Бородовский А.П. (Новосибирск, Россия)
Культурная идентификация населения Верхней Оби
эпохи раннего железа по материалам археологии и антропологии
(Быстровский некрополь).....56

Берсенева Н.А. (Челябинск, Россия)
Возрастные структуры в обществах кочевников раннего железного века
Южного Урала (предварительные результаты исследования).....65

Поляков А.В. (Санкт-Петербург, Россия)
Лошадь в культурах эпохи палеометалла Минусинских котловин73

Серегин Н.Н., Матренин С.С. (Барнаул, Россия)
Комплекс женских украшений населения Северного Алтая
предтюркского времени (по материалам некрополя Чобурак-I)81

Кондрашин В.В. (Казань, Россия), Мышкин В.Н. (Самара, Россия)
Результаты металлографического исследования
коллекции кузнечных изделий из материалов раскопок
селища Подгоры V на Самарской Луке93

*Кулькова М.А., Кашуба М.Т., Кульков А.М., Кожуховская Ю.В., Тихомиров
В.А., Стрельцов М.А., Маркова М.А. (Санкт-Петербург, Россия)*
Новые данные о рационе питания человека в позднем бронзовом –
раннем железном веке в Крыму по результатам анализа стабильных
изотопов углерода, азота и радиоуглеродного датирования104

*Костомарова Ю.В. (Тюмень, Россия), Букачева А.О. (Челябинск, Россия),
Молчанов И.В. (Екатеринбург, Россия)*
Следы износа на орудиях переработки медной руды
с поселений эпохи поздней бронзы Зауралья
(экспериментально-трасологический анализ).....120

<i>Кузьминых С.В. (Москва, Россия), Дегтярева А.Д. (Тюмень, Россия), Артемьев Д.А., Блинов И.А. (Миасс, Россия), Орловская Л.Б. (Москва, Россия)</i>	
Аналитическое исследование металла петровской культуры Северного Казахстана	138

Урбанизм степной Евразии в средние века

<i>Кузенков П.В. (Севастополь, Россия), Могаричев Ю.М. (Симферополь, Россия), Малоизвестный источник о начальном этапе монгольского проникновения в Крымскую Готию</i>	151
<i>Пигарёв Е.М. (Йошкар-Ола, Россия)</i>	
Урбанизация низовьев Волги в эпоху Золотой Орды	158
<i>Казаков П.В. (Астрахань, Россия), Пигарёв Е.М. (Йошкар-Ола, Россия)</i>	
Свинцовые грузики Селитренного городища: типология и классификация.....	167
<i>Зеленев Ю.А. (Йошкар-Ола, Россия)</i>	
Урбанизм в степном Поволжье в XIII–XV вв.....	182

Единство и многообразие материальной культуры Степной Евразии: взаимодействие, трансформация культур, идей и технологий

<i>Степанова Е.В., Кацуба М.Т. (Санкт-Петербург, Россия)</i>	
«Киммерийские» узды из кургана у Слободзеи (Нижнее Поднестровье)	189
<i>Тишкин А.А. (Барнаул, Россия), Табалдиев К.Ш. (Бишкек, Кыргызстан), Бондаренко С.Ю. (Барнаул, Россия)</i>	
Два в одном: использование «оленного» камня для изготовления изваяния в тюркское время (результаты фотограмметрии в археолого-архитектурном комплексе «Башня Бурана» Кыргызстана) ..	200
<i>Руденко К.А., Казаков Е.П. (Казань, Россия)</i>	
Торговля на пойменных селищах эпохи средневековья низовий Камы в XII–XIV вв. (по находкам металлических зеркал)	209
<i>Воронов В.В. (Йошкар-Ола, Россия)</i>	
Нагрудные украшения из погребений Большепамьяльского могильника XVIII – середины XIX вв.	222
<i>Точилова Н.Н. (Санкт-Петербург, Россия), Гринев А.М. (Великий Новгород, Россия)</i>	
Роговые накладки в форме бута с изображением фантастических животных из Великого Новгорода: проблемы функциональной и стилистической атрибуции	237
Список сокращений	248
Правила для авторов	250

CONTENT

From the editorial board.....8

**Cultural and historical processes in the Eurasian Steppes
in the Early Metal Era: the phenomenon of the early nomads
of Eurasia, traditions and innovations**

Grumeza L., Cojocaru V. (Iasi, Romania)
On the edge of the eurasian steppes: the sarmatian culture
in the 1st–3rd centuries ad east of the Carpathians.....12

Kirichenko D.A. (Baku, Azerbaijan Republic)
Scythians in Azerbaijan: the history of one murder
(archaeology and anthropology).....24

*Khavansky A.I. (Moscow, Russian Federation),
Bisembaev A.A. (Almaty, Republic of Kazakhstan)*
Early Bronze Age of the steppe Urals and Western Kazakhstan:
some results and research prospects31

Varenov A.V. (Novosibirsk, Russian Federation)
Bronze spoked wheels from Sanxingdui
and ancient indian myths about Garuda.....43

Borodovskiy A.P. (Novosibirsk, Russian Federation)
Cultural identification of the upper Ob population of the early iron age based
on the materials of archaeology and anthropology (Bystrov necropolis).....56

Berseneva N.A. (Chelyabinsk, Russian Federation)
Age-linked Groups in the Early Iron Age nomadic societies
(preliminary results)65

Poliakov A.V. (St. Petersburg, Russian Federation)
Horse in the Palaeometal era cultures of the Minusinsk basin73

Seregin N.N., Matrenin S.S. (Barnaul, Russian Federation)
Women's Jewelry set of the Northern Altai population in Pre-Turkic period
(based on materials of the Choburak-I necropolis).....81

*Kondrashin V.V. (Kazan, Russian Federation),
Myshkin V.N. (Samara, Russian Federation)*
Results of the metallographic study of blacksmithing items
from the excavations at Podgory V settlement on the Samara Bend.....93

*Kulkova M.A. St., Kashuba M.N., Kulkov A.M., Kozhukhovskaya Yu.V.,
Tikhomirov V.A., Streltsov M.A., Markova M.A. (St. Petersburg, Russian
Federation)*
New evidence on the Late Bronze – Early Iron Age human nutrition
in the Crimea (northern Pontic Region) based
on the stable isotope analysis and radiocarbon dating.....104

*Kostomarova Yu.V. (Tyumen, Russian Federation),
Bukacheva A.O. (Chelyabinsk, Russian Federation),
Molchanov I.V. (Ekaterinburg, Russian Federation)*
Use-Wear traces on copper ore processing tools from Late Bronze sites
of the Trans-Urals(use wear analysis).....120

*Kuzminykh S.V. (Moscow, Russian Federation), Degtyareva A.D.
(Tyumen, Russian Federation), Artemyev D.A., Blinov I.A. (Miass, Russian
Federation), Orlovskaya L.B. (Moscow, Russian Federation)*
Analytical study of metal from the Petrovka Culture of Northern Kazakhstan138

Urbanism of Steppe Eurasia in the Middle Ages

*Kuzenkov P.V. (Sevastopol, Russian Federation),
Mogarichev Yu.M. (Simferopol, Russian Federation)*
A little-known source about the initial stage
of Mongol penetration into Crimean Gothia.....151

Pigarev E.M. (Yoshkar-Ola, Russian Federation)
The urbanization of the Lower Volga region in the Golden Horde era158

*Kazakov P.V. (Astrakhan, Russia),
Pigarev E.M. (Yoshkar-Ola, Russian Federation)*
Lead weights of the Selitrennoe settlement: typology and classification167

Zelenev Yu.A. (Yoshkar-Ola, Russian Federation)
Urbanism in the steppe Volga Region in the XIII–XV centuries.....182

Unity and diversity of material culture of Steppe Eurasia: interaction, transformation of cultures, ideas and technologies

Stepanova E.V., Kashuba M.T. (St. Petersburg, Russian Federation)
“Cimmerian” bridles from a barrow near Slobozia (Lower Dniester Region)189

*Tishkin A.A. (Barnaul, Russian Federation), Tabaldiev K.Sh.
(Bishkek, Kyrgyzstan), Bondarenko S.Y. (Barnaul, Russian Federation)*
Two in one: the use of "deer" stone for making a statue in the Turkic period
(results of photogrammetry in the archaeological and architectural
complex "Burana Tower" in Kyrgyzstan)200

Rudenko K.A., Kazakov E.P. (Kazan, Russian Federation)
Trade in floodplain medieval settlements of the Lower Kama region
in the XII–XIV centuries (based on the finds of metal mirrors).....209

Voronov V.V. (Yoshkar-Ola, Russian Federation)
Breast decorations from the burials of the Bolshiye Pamyaly burial ground
of the XVIII – first half of the XIX century.222

*Tochilova N.N. (St. Petersburg, Russian Federation),
Grinev A.M. (Novgorod the Great, Russian Federation)*
Paisley-shaped antler onlays with fantastic beasts from Veliky Novgorod:
issues of functional and stylistic attribution237

List of Abbreviations..... 248

Submissions 250

Единство и многообразие материальной культуры Степной Евразии: взаимодействие, трансформация культур, идей и технологий

УДК 902/904, 903.5, 903.074

<https://doi.org/10.24852/pa2024.4.50.189.199>

«КИММЕРИЙСКИЕ» УЗДЫ ИЗ КУРГАНА У СЛОБОДЗЕИ (НИЖНЕЕ ПОДНЕСТРОВЬЕ)¹

© 2024 г. Е.В. Степанова, М.Т. Кашуба

Новое изучение состава погребального инвентаря из раннекочевнического («киммерийского») погребения 3 кургана 3 у с. Слободзея в бассейне Нижнего Днестра (западный фланг «Великого пояса степей») позволило уточнить количество найденных в могиле элементов фурнитуры и декора узд по категориям находок. Их анализ показал, что в захоронении присутствовали детали не менее пяти комплектов узд, причем для оголовий одних использовались круглые в сечении ремни, для других – плоские. Особенности оголовий обусловили и различия в декоре узд. Сделаны два варианта реконструкции узд из круглых и плоских ремней. Новые наблюдения подтверждают, что курган 3 Слободзея был сооружен для захоронения в нем воина-всадника высокого социального статуса (погребение 3). Второе предскифское («киммерийское») захоронение в насыпи (погребение 1) свидетельствует, что этот курган был специально маркирован и мог опознаваться ранними кочевниками региона как «свой» («могила предков»).

Ключевые слова: археология, ранний железный век, Северное Причерноморье, Нижнее Поднестровье, ранние кочевники («киммерийцы»), Слободзея, погребение, конское снаряжение, комплектность, реконструкция.

В раннекочевническом («киммерийском») погребении 3 кургана 3 у пгт Слободзея, которое находится в Нижнем Поднестровье, или на западном фланге «Великого пояса степей», был захоронен воин-всадник (воин-колесничий?) высокого социального ранга. Этот комплекс хорошо известен в специальной литературе: он неоднократно был издан целиком, а также были рассмотрены отдельные предметы погребального инвентаря – бронзовые удила и детали сбруи, роговые псалии, железный меч (Яровой, Кашуба, 1994; Яровой и др., 2002; Махортых, 2003, с. 34–35, 82–85, рис. 10–13; 2005, с. 236–239, 356–359, рис. 139–142; Яровой, 2005, с. 278; Эрлих, 2005, с. 175–178, рис. 2; 2007, с. 150; 2019, с. 393–394, рис. 8; Вальчак, 2007, с. 89–91, 234, табл. 1, 2, рис. 47;

Кашуба, 2013, с. 251, рис. 11: 5; Панковский, 2015; Синика и др., 2016, с. 20–21, 84–85, рис. 13, 67–71). Однако существуют разные мнения исследователей как по датировке погребения (вторая половина/конец IX, VIII или рубеж VIII–VII вв. до н. э.), так и отнесения его к памятникам черногорского или новочеркасского типа (там же). Не вызывает сомнений нетипичный характер комплекса, как по элементам погребального обряда, надмогильной и могильной конструкциям, так по составу и характеру погребального инвентаря (например, здесь единственный раз зафиксированы предметы западно- и восточно-европейских типов (среднеевропейский меч типа Naue II и конская узда черногорского типа). Проведенное В.Б. Панковским трасологическое

¹ М.Т. Кашуба выполнила свою часть исследования в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите – позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

исследование пяти псалиев из лосиного рога и сделанные выводы о том, что достоверно в употреблении была только одна пара (Панковский, 2015, с. 290–292), вновь привлекли наше внимание к конскому снаряжению из Слободзеи. В данной статье мы воспользуемся возможностью внести уточнения по количеству найденных бронзовых деталей узды (Яровой и др., 2002, с. 297, рис. 7), а также исправить ошибки в ранее опубликованной реконструкции (см.: Kaşuba, 2010, p. 408; перепубликовано: Панковский, 2015, с. 288, рис. 18: 1).

Погребение 3 кургана 3 у пгт Слободзея

Курганная насыпь (на момент раскопок высотой 1,5 м от материка и диаметром 28 м) была возведена над основным погребением 3; помимо основного в насыпи имелись еще два впускных захоронения – раннекочевническое («киммерийское», № 1), и позднекочевническое (почти полностью разрушенное, № 2).

Над основным захоронением находилась деревянная шатровая конструкция, сооруженная на уровне древней погребенной почвы. Она состояла из вала (круг из материкового выкида) вокруг погребальной камеры и находящегося на валу деревянного сооружения диаметром ~9,5 м из радиально расположенных жердей, длина которых могла составлять 4–6 м. Шатровая конструкция, которая могла возвышаться на 1,0–1,5 м над погребением, практически полностью сгорела; верхняя часть выкида также была обожжена до ярко-красного цвета; мощный прожог грунта наблюдался на расстоянии в 2,6–4,0 м от внешнего диаметра выкида, особенно в южной части кургана; интенсивное горение наблюдалось и на стенах ямы, особенно в ее юго-западном углу.

Мужчина 30–55 лет (*adultus* – *maturus*) был уложен в вытянутом положении, головой на запад, на по-

сыпанную мелом постилку, покрывавшую деревянный помост, который был поставлен на дно прямоугольно-трапециевидной ямы с сильно округленными углами (размерами 2,5–2,7×1,85–1,9 м и глубиной 0,6 м), ориентированной в широтном направлении. По углам на дне погребальной камеры зафиксированы четыре столбовые ямы, одна из сторон которых скошена. Скелет был плохой сохранности, кости обожжены до черного цвета, особенно верхняя часть. В 0,4 м к северу от него находились обожженные кости мелкого рогатого скота (рис. 1).

Погребенного сопровождал многочисленный погребальный инвентарь, расположенный двумя группами. К северу от скелета находились остатки деревянного «щита» (?), на который были положены железный меч с бронзовыми заклепками на рукояти, два железных конуса и каменный оселок. Севернее черепа находились два височных кольца: золотое витое (в 5,5 оборота) и вложенное в него бронзовое кольцо с несомкнутыми концами. К югу и юго-западу от скелета (в верхнем правом относительно погребенного секторе могильной ямы) полукругом лежали разнообразные предметы конского снаряжения (рис. 2: 1–8): четыре пары бронзовых удил с однокольчатыми окончаниями (рис. 2: 1); восемь роговых псалиев с грибовидными шляпками черногоровского типа (на плане не показаны обломанные псалии) (рис. 2: 2); бронзовые детали фурнитуры и декора – 12 (13?) пирамидальных распределителей ремней (на плане 13, видимо, один, сильно разрушенный, не вошел в коллекцию) (рис. 2: 3), шесть круглых блях с плоскими петлями – четыре большие и две меньшего размера (в публикации ошибочно указано восемь блях (Яровой и др., 2002, с. 297, рис. 7)) (рис. 2: 5, 6), две цилиндрические пронози с тремя узкими

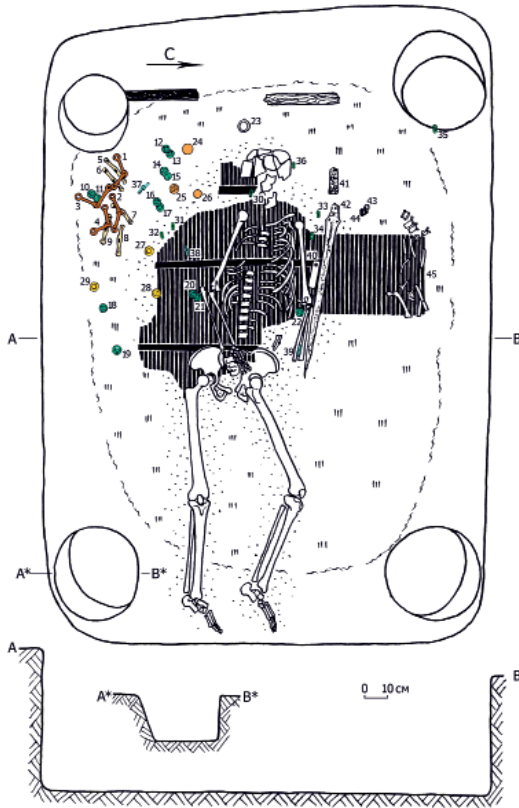

Рис. 1. План погребения 3 кургана 3 у пгт. Слободзея, разными цветами обозначены рассматриваемые в статье категории предметов узд: 1–4 – удила; 5–9 – псалии; 10–22 – распределители; 23 – массивное кольцо; 24–29 – круглые бляхи; 30–36 – ременные обоймы; 37–39 – застёжки; 40 – оселок; 41 – конусы; 42 – меч; 43 – височное кольцо с несомкнутыми концами; 44 – височное кольцо в 5,5 оборота; 45 – «щит» (1–4, 10–39, 43 – бронза; 5–9 – рог; 40 – камень; 41 – железо; 42 – железо и бронза; 44 – золото; 45 – дерево) (по: Яровой и др., 2002, рис. 5, с дополнениями авторов).

Fig. 1. Plan of the burial 3 from barrow 3 near Slobodzia.

отверстиями (рис. 2: 7), три застёжки пропеллеровидной формы (рис. 2: 4), восемь плоских обойм с рифлением на одной стороне (рис. 2: 8), большое кольцо с выступом (рис. 1).

Комплектность узд

Комплектность узд – большая проблема для памятников IX–VIII вв. до н. э. Даже в случае наличия в погребениях черепов или очень редко скелетов лошадей мы не наблюдаем полных комплектов узд. В соответствии с погребальными традициями того времени в могилу помещались либо отдельные детали узд, либо узды намеренно портились, что очень затрудняет их реконструкцию.

В погребении 3 кургана 3 у Слободзеи даже простой арифметический подсчет показывает, что собрать четыре (по количеству удил) идентичных узды с использованием данных деталей невозможно, а взаимное расположение разрозненных деталей узд

не позволяет выделить отдельные комплекты. Расположенные парно разделители ремней, сгруппированные по три (в соответствии с декором) круглые бляхи, пропеллеровидные застёжки разнесены довольно далеко друг от друга. При этом явно неслучайная группировка распределителей (по два) и блях (по три) указывает на то, что они сильно не смещены от первоначального положения.

Особенно разрозненно расположены рифленные, сильно обожженные обоймы (рис. 2: 8). Они использованы при реконструкции (все восемь на одной узде – Kaşuba, 2010, p. 408). Однако аналогий им среди деталей узд IX–VIII вв. до н. э. найти не удалось. Скорее всего, это португейские обоймы. Характерно их расположение – по диагонали с центром в районе рукояти меча. Все они имеют сильные потертости на плоской стороне с поперечным рифлением (противоположная сторона гладкая и слегка выпуклая), то есть использовались длительное время (Яровой и др., 2002, с. 299).

Четыре пары роговых трехдырчатых псалиев с грибовидными окончаниями сгруппированы с четырьмя бронзовыми двухзвенными удилами относительно компактно (рис. 1). При этом только один из четырех ком-

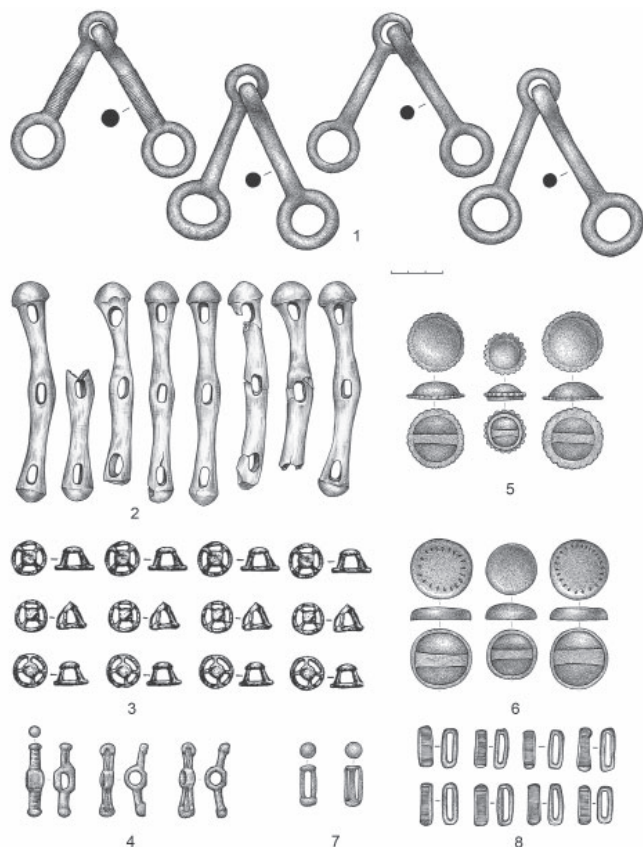

Рис. 2. Детали узд из Слободзеи: 1 – удила; 2 – псалии; 3 – узденные распределители; 4 – застежки; 5, 6 – бляхи; 7 – пронизи; 8 – ременные обоймы (1, 3–8 – бронза; 2 – рог).

Fig. 2. Details of the bridle from Slobodzia.

правильного положения удила во рту лошади. Правый и левый суголовные ремни соединяются на затылке лошади с помощью застежки. В древности обычно использовались «пуговичные» или «запонковые» застежки (язычковые пряжки – только со II в. до н. э.), но чаще – вязанные застежки, так как после подгонки длины ремней уздечку можно надеть на лошадь не расстегивая застежки.

Наносный и налобный ремни – поперечные относительно суголовных. Но если налобный носит преимущественно декоративную функцию (у узд кочевников, как древних, так и современных, налобный ремень обычно отсутствует), то наносный играет важную роль в управлении лошадью.

Оголовья без наносного ремня представлены как среди современных, так и у древних узд, например на ассирийских рельефах IX в. до н. э. В этом случае управление лошадью осуществляется исключительно через рот, путем воздействия удила на беззубый край челюсти. У узд с поперечным наносным ремнем воздействие, помимо рта лошади, идет также на чувствительную носовую кость. И воздействие весьма действенное.

У безудильных уздечек наносный ремень является основным средством управления наряду с дополнительными

плектов псалиев имеет следы износа (Панковский, 2015, с. 287). И именно на этом комплекте присутствуют характерные порезы рядом с отверстиями, которые В.Б. Панковский справедливо интерпретирует как следы срезания псалиев с ремней узды (там же, с. 287–288).

Для реконструкции узд из Слободзеи, от которых сохранились разрозненные детали фурнитуры и декора, рассмотрим общие принципы конструкции конских узд.

Общие принципы конструкции узд с удилами

Оголовье – ременная часть узды, соединяющаяся с удилами посредством псалиев у древних узд и трензельных колец или щечек мундштуков (современных аналогов псалиев) сейчас. Основа оголовья – суголовные ремни. Они служат для фиксации

ми деталями для усиления его действия. Воздействие таких узд на лошадь осуществляется давлением на чувствительную носовую кость, на затылок и в подбородной ямке.

Узды кочевников с поперечным наносным ремнем достоверно фиксируются с раннескифского времени (VII–VI вв. до н. э.). Это изображения, находки самих оголовий (например, Шульга, 2008, рис. 66), а также так называемых наносников – деталей фурнитуры и декора, одевавшихся на наносный ремень и существенно усиливавших его воздействие. В это же время широко распространяются и наносные (непарные!) бляхи.

Подбородные ремни (правый и левый), также поперечные относительно суголовных, располагаются в районе ганаши и служат для предотвращения перебрасывания (соскальзывания) суголовных ремней через уши лошади. Такое случается редко, но случается. Застежка обычно располагается слева (правый ремень длиннее левого). Вязаные застежки в древности здесь также использовались, но гораздо чаще – «пуговичные» (разнообразные пронизи, закрепленные на конце левого ремня, на правом – петля), так как чтобы снять узду с головы лошади, застежку подбородных ремней нужно обязательно расстегнуть.

Ремни

С древности (по меньшей мере со скифского времени) и до современности кочевники использовали для изготовления узд два типа ремней – плоские и круглые. И те, и другие обычно вырезались из кожи крупного рогатого скота. На круглые ремни шла шейная (наиболее толстая) кожа взрослых быков или оленей-самцов. Нарезанные по спирали ремни затем под нагрузкой пропускались через последовательно сужавшиеся отверстия на специальных приспособлениях (Даржа, 2003, с. 97–97, рис. 34, 35). Круглые ремни могли сшиваться

по стыку продольных сторон – так они лучше держат форму: в курганах пазырыкской культуры, например, большинство круглых ремней сшитые (Степанова, 2012, с. 103), или использоваться без сшивания. В готовом виде ширина круглых ремней ~1 см.

Использование конкретного типа ремней влияло на конструктивные особенности оголовий. Так, при формировании развилок суголовных ремней сравнительно широкие (2,0–2,5 см) плоские ремни разрезались (раздваивались или расстраивались), а поперечные ремни (наносный и подбородные) пришивались к суголовному. При использовании круглых ремней формирование развилки производилось путем взаимного продевания суголовных и наносного ремней, так же крепились подбородные ремни.

Удила и псалии

Именно в части соединения псалиев с удилами и поводом была допущена основная ошибка при реконструкции узды из Слободзеи (Кашиба, 2010, р. 408). При этом как раз узел соединения псалиев, удила, повода и оголовья может быть реконструирован наиболее надежно. Псалии, функционально идентичные и близкие по форме черноголовским (как бронзовые, так и роговые), и удила (в том числе с кольчатými окончаниями без дополнительного кольца) с остатками уздечных ремней хорошо сохранились в конских погребениях кургана Аржан-1 (Грязнов, 1980, рис. 14, 16, 20, 28). Эти находки показывают, что к центральным отверстиям псалиев короткими ремешками привязывались удила, а крайние отверстия псалиев служили для соединения псалиев с ремнями оголовья, повод привязывался к наружным кольцам удила.

Остается вопрос во взаимном расположении удила и псалиев из Аржана-1. Удила находились перед или за псалиями, с их внешней (выпуклой) или с внутренней (вогнутой) сторо-

ны? На части фотографий мы видим расположение удил с внутренней стороны, на выгнутой стороне псалиев во всех трех отверстиях видны концы ремешков с кожаными заклепками (Грязнов, 1980, рис. 14: 4, 16: 6), но на других фотографиях и рисунках положение удил не так однозначно. Возможно, могли использоваться оба варианта.

Зависимость фурнитуры и декора от типа ремней

Отверстия на элементах фурнитуры и декора, одевавшихся на ремни, всегда соответствуют типу ремней оголовья. Если отверстия прямоугольные, узкие и широкие – использовались плоские ремни, если округлые или овальные шириной ~1 см – круглые. Это обеспечивало надежное крепление фурнитуры и декора.

Отверстия на псалиях, распределителях ремней и пропеллеровидных застежках (рис. 2: 2–4) указывают на их использование с оголовьями из круглых ремней.

Подобные распределители, получившие широкое распространение в VII–VI вв. до н. э., обычно использовались с круглыми ремнями, прикрывая место их взаимного пересечения. Уздечный комплект включал четыре распределителя. В памятниках IX–VIII вв. до н. э. разделители встречаются не часто: обычно один-три на погребение (Вальчак, 2009, рис. 52, 60, 65, 67, 68, 89, 91). Их форма разнообразна: крестовидные, цилиндрические, грибовидные, а также с плоской, выпуклой или фигурной шляпкой. В погр. 1 кург. 6 могильника Яснозорье с удилами и псалиями типа Уашхиту обнаружены четыре цилиндрических распределителя с полукруглой шляпкой – полный уздечный комплект (Вальчак, 2009, рис. 67: 5). В кургане Аржан-1 также были найдены два распределителя кубической формы – в конском захоронении в ограбленной камере 2 (Грязнов, 1980, с. 26).

Такой представительный набор, как в Слободзее, – 12 (13?) экземпляров – единственный и составляет **не менее трех комплектов**. Распределители положены парами, но по особенностям их оформления можно уверенно выделить три комплекта по четыре экземпляра (рис. 2: 3). Нужно отметить, что по особенностям конструкции и оформления распределители из Слободзеи выделяются на общем фоне подобных элементов фурнитуры, как ранних, так и более поздних. Они конусовидные, то есть их декоративная шляпка (щиток) меньше круглого основания диаметром 1,9–2,1 см (один комплект даже имеет заостренную шляпку), тогда как обычно основание равно или меньше декоративного щитка.

Три пропеллеровидные застежки могли использоваться как застежки подбородных ремней для этих узд (рис. 2: 4). Двум из них найдена сравнительно близкая аналогия – пропеллеровидная застежка (с короткими лопастями без рельефного утолщения по краям) из элитного воинского захоронения (погр. 3) могильника Улька I на Кубани, датированного второй половиной VIII в. до н. э. (Эрлих, 2019; Эрлих, Сурков, 2020, с. 35–38, 44–46, рис. 9: 3).

Анализ сочетания в уздечных комплектах распределителей и блях показывает, что **распределители не встречаются вместе с парными круглыми бляхами**, тем более под широкие ремни, но в комплекты с распределителями могли входить одиночные серповидные бляхи с внутренней длиной петли ~1 см, и в отдельных случаях – одиночные крупные круглые бляхи, также с петлей ~1 см (налобные?).

Круглые бляхи с плоскими петлями и цилиндрическими обоями с тремя узкими отверстиями использовались с плоскими ремнями (рис. 2: 5–7).

Подобные парные обоймы были найдены также в кургане Уашхиту и одна – в кург. 1 у хут. Красное Знамя (Иванчик, 2001, рис. 11: 25; 16: 28, 29). На реконструкции слободзейской узды (Kaşuba, 2010, p. 408) они были использованы для пристегивания ремней повода. Другое место им подобрать трудно. Нужно отметить, что в представительной коллекции пазырыкских узд, а также на многочисленных обрывках узд из Аржана-1 видно, что обычно повода и чумбуры сделаны из плоских ремней, даже если оголовья – из круглых ремней. То есть эти детали (обоймы) могли входить и в комплекты узд с круглыми ремнями с распределителями.

Круглые бляхи из Слободзеи могут быть скомпонованы по три в соответствии с декором и длиной петель (рис. 2: 5, 6). Большие выпуклые бляхи с фестончатым краем при диаметрах 3,4–3,5 см имели длину петель 2,5–2,6 см, малая с диаметром 2,4 см – 1,7 см (рис. 2: 5). Большие уплощенные гладкие бляхи (диаметрами 3,6–3,7 см) были украшены короткими подтреугольными насечками по периметру, малая бляха (диаметром 3 см) таких элементов не имела, длина петель у них 2,9–3,1 см и 2,5 см соответственно (рис. 2: 6).

Крепёжные петли, расположенные вровень с краем бляхи, встречаются очень редко. В качестве примера можно привести небольшие (менее 2 см) круглые бляхи из могильника КМФ 1, погр. 5 и 15 (Вальчак, 2009, рис. 67: 5; 99: 1). Обычно бляхи в памятниках IX–VIII вв. до н. э. имеют выступающие петли, форма и размеры которых позволяют их использовать с круглыми ремнями, или они пришивные. Одна бляха с плоской петлей имела в Аржане-1, при этом все остальные бляхи в кургане – пришивные.

Круглые бляхи из Слободзеи, учитывая различия в декоре и ширину ремней, которые они украшали, отно-

сятся к комплектам *двух узд с оголовьями из плоских ремней*. Большие бляхи могли украшать суголовные ремни шириной 2,5 и 3,0 см, а одиночные бляхи меньшего размера могли одеваться на наносники.

Комплектность этих узд – вопрос сложный. На ассирийских рельефах VIII–VII вв. до н. э. на комплект приходилось не менее четырех крупных круглых или в виде розеток (фестончатых) блях, находящихся в местах пересечения суголовных ремней с подбородными и наносно-налобными (X-образными) ремнями. Такой уздечный набор с четырьмя круглыми бляхами диаметром ~2 см имеется в кург. 26 Березовского могильника (Вальчак, 2009, рис. 54: 2).

На уздах коней на рельефе из дворца Саргона II в Хоросабаде, хранящемся в Лувре, помимо парных блях на перекрестьях ремней и между ними показана и непарная бляха на наносно-налобных ремнях (Rizza, 2007, p. 175).

В кург. 50 Кубанского могильника с конским черепом (исходно – шура с головой) была положена узда. Удила и псалии новочеркасского типа, рядом с ними по сторонам черепа две крупные костяные четырехлепестковые бляхи с отверстиями для пришивания, выше слева – бронзовая серповидная бляха с петлей (внутренняя длина петли 1,5 см) и круглая бронзовая бляха диаметром 2 см и круглой петлей ~1 см (возможно, застежка подбородного ремня) (Вальчак и др., 2016, с. 35–37, рис. 81–85). Учитывая, что подобные большие четырехлепестковые бляхи обычно встречаются в погребениях по две, а серповидные – по одной, можно предположить, что комплект мог состоять только из пары блях у развилки суголовных ремней (рядом с псалиями) и одной непарной бляхи.

В рассматриваемом нами погр. 3 из кург. 3 у Слободзеи все четыре

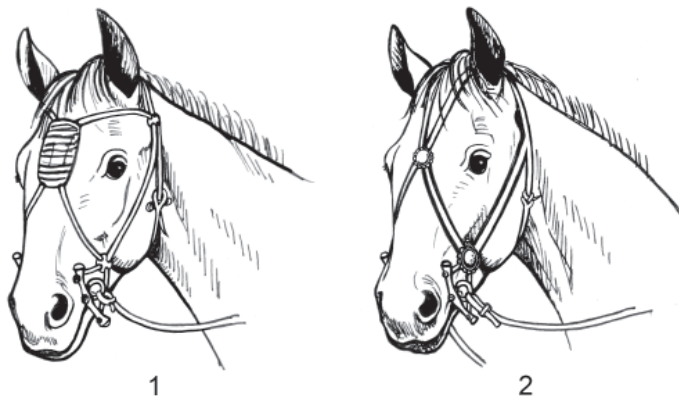

Рис. 3. Реконструкция двух вариантов узд из Слободзеи.

Fig. 3. Reconstruction of two types of bridles from Slobodzia.

комплекта псалиев имеют отверстия под круглые ремни. Могли ли они использоваться с оголовьями из плоских ремней? Такое возможно. Во-первых, при разрезании широкого суголовного ремня ремешки развилки получились уже в два раза. Во-вторых, как мы видим, например, на фрагментах узды из кургана у с. Квитки в Поросье (Иванчик, 2001, рис. 106: 63, 64, 79), ремешки развилки могли сворачиваться наподобие круглых для продевания в округлые отверстия 8-образных двойтелей, а затем и псалиев. Интересно, что, судя по сохранившейся развилке, плоские широкие (~2 см) ремни оголовья из этого кургана, по крайней мере суголовные, были двойными (сложенными вдвое) (Иванчик, 2001, рис. 106: 63, 64, 79).

Таким образом, в погр. 3 в кург. 3 у Слободзеи положены детали от не менее пяти узд: трех – из круглых ремней и двух – из плоских.

Конструкции оголовий

О конструкции оголовий конца IX–VIII в. до н. э. мы можем судить по изображениям. На скульптурной головке взнузданной лошади из Аржана-1 мы наблюдаем узду с суголовными и подбородными ремнями и без наносного ремня, но с двумя пересекающимися Х-образно наносно-налобными ремнями, нижние концы которых крепятся непосредственно на псалиях. Причем ремни на лбу продеты в широкую гармошкообразную,

возможно кожаную, обойму (Грязнов, 1980, рис. 15: 1–3). Согласно фотографиям, сохранившиеся уздечные ремни из Аржана-1 преимущественно круглые, а поводья – плоские. Однако имеются и плоские ремни шириной 2,7 см с нашитыми мелкими серебряными бляшками (имеется и фрагмент ремня с такими же бляшками шириной ~4 см, очевидно, от нагрудника) (Грязнов, 1980, рис. 12: 12).

Аналогичную конструкцию имеют и ассирийские узды VIII–VII вв. до н. э., но из плоских ремней (Rizzo, 2007, p. 175; Barnett, Lorenzini, 1975, pl. 128–129, f. 73, 153). При этом на изображениях хорошо видно, что суголовные ремни обычно шире наносно-налобных и ремней развилки.

В последующее время (с VII в. до н. э.) в степях стал преобладать другой тип узд – с наносным ремнем. Именно его до настоящего времени используют кочевники. Однако и тип с перекрещивающимися наносно-налобными ремнями, нижние концы которых крепятся непосредственно к псалиям (треньзельным кольцам), до сих пор можно встретить среди упряжных узд, например в снаряжении беговых рысаков.

Реконструкция двух вариантов узд из погребения 3 кургана 3 у Слободзеи

Таким образом, имеющиеся данные и новый анализ находок деталей конского снаряжения в погр. 3 кург. 3 у Слободзеи позволяет реконструировать два варианта узд аржанского типа из круглых и плоских ремней

(рис. 3). Предположительно, круглые ремни могли соединяться на лбу с помощью кожаной пронизи, а плоские – через круглую бляху. Учитывая близкую ширину рифленых обойм и петли малой фестончатой бляхи, теоретически можно предположить соединение ремней этого оголовья с помощью обойм с бляхой в центре, но аналогии подобной конструкции нам не известны. Более вероятным представляется использование рифленых обойм для декора портупен.

Новые наблюдения о наличии в основной могиле не менее пяти узд дают дополнительные аргументы о высоком социальном статусе похороненного в ней воина-всадника, а впускное предскифское («киммерийское») захоронение в насыпи (Яровой и др., 2002, рис. 3, 4) свидетельствует, что этот курган был специально маркирован и мог опознаваться ранними кочевниками региона как «свой» («могила предков»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Вальчак С.Б. Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н. э. на юге Восточной Европы. М.: Таус, 2009. 291 с.
2. Вальчак С.Б., Пьянков А.В., Хачатурава Е.А., Эрлих В.Р. Кубанский могильник. Материалы раскопок Н.В. Анфимова 1965 г. М.: Краснодар: Краснодарский государственный историко-культурный музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына, ИА РАН, Гос. музей Востока, 2016. 208 с.
3. Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980. 64 с.
4. Даржа В. Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников. Кызыл: ТувИКОПР СО РАН, 2003. 184 с.
5. Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М.: Палеограф, 2001. 324 с.
6. Каушуба М.Т. Ускользящее» железо, или Переход к раннему железному веку в Восточном Прикарпатье // Российский археологический ежегодник. Вып. 3 / Глав. ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. С. 233–257.
7. Махортых С.В. Культурные контакты населения Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху. Киев: Шлях, 2003. 139 с.
8. Махортых С.В. Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев: Шлях, 2005. 380 с.
9. Панковский В.Б. Слободзейские псалии // *Stratum plus*. 2015. № 3. С. 265–296.
10. Синика В.С., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. Археологическое наследие Приднестровья. Тирасполь: Полиграфист, 2016. 156 с.
11. Степанова Е.В. Конское снаряжение кочевников Алтая скифского времени (по материалам курганов пазырыкской культуры) // Кочевники Евразии на пути к империи. Из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки / Науч. ред. М.Б. Пиотровский. СПб.: Славия, 2012. С. 103–110 [Кат. 238–276 – С. 112–117].
12. Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. 1. Раннескифское время. Барнаул: Азбука, 2008. 276 с.
13. Яровой Е.В. Мистика древних курганов. М.: Вече, 2005. 462 с. (Тайны древних цивилизаций).
14. Яровой Е.В., Каушуба М.Т. Курган предскифского времени у пгт. Слободзея // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в. н.э. Материалы Международной археологической конференции, 10–14 октября 1994 г. / Отв. ред. Е.В. Яровой. Тирасполь: Типар, 1994. С. 155–157.
15. Яровой Е.В., Каушуба М.Т., Махортых С.В. Киммерийский курган у пгт. Слободзея // Северное Причерноморье: от энеолита к античности / Отв. ред. Н.А. Кетрару. Тирасполь: Типар, 2002. С. 279–343.
16. Эрлих В.Р. К дискуссии о месте и времени появления предскифских колесниц // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского / Ред. и сост. В.И. Гуляев, С.Б. Вальчак, С.В. Кузьминых. М.: ИА РАН, 2005. С. 167–182.
17. Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протоэотская группа памятников. М.: Наука, 2007. 430 с.
18. Эрлих В.Р. Элитное воинское погребение предскифского времени из окрестностей г. Майкопа // *Археологія і давня історія України*. 2019. Вип. 2 (31). С. 385–397.
19. Эрлих В.Р., Сурков А.В. Протоэотские погребения поселения Ульяк-1 // Историко-археологический альманах. Вып. 15 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир; Краснодар; М.: ИА РАН; МУК "Армавирский краеведческий музей", 2020. С. 34–56.
20. Barnett R.D., Lorenzini A. *Assyrian Sculptures in the British Museum*. Toronto: McClelland & Stewart Limited, 1975. 179 p.

21. Kaşuba M. Primă epocă a fierului (sec. XII–VIII/VII î.Hr.). Începuturile relațiilor de clasă. Cultura cimmericienilor // *Istoria Moldovei. Epoca preistorică și antică (până în sec. V) / Red. resp. A. Dergaciov. Chișinău: Acad. de Științe a Moldovei, Inst. Patrimoniului Cultural, Centru Arheologic „Tipografia centrală”, 2010. P. 399–413.*

22. Rizzo A. The Assyrians and the Babylonians. History and treasures of ancient civilization. Vercelli: White Star, 2007. 207 p.

Информация об авторах:

Степанова Елена Владимировна, старший научный сотрудник. Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург, Россия); stepalena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9327-1755>

Кашуба Майя Тарасовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); mirra-k@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8901-8116>

“CIMMERIAN” BRIDLES FROM A BARROW NEAR SLOBOZIA (LOWER DNIESTER REGION)

E.V. Stepanova, M.T. Kashuba

A new study of the burial inventory from the early nomadic (“Cimmerian”) burial 3 barrow 3 Slobozia from the Lower Dniester region (the western flank of the “Great Steppe Belt”) allowed us to clarify the number of elements of bridle and its decoration found in the burial by category of finds. The analysis revealed that the burial contained details of at least five sets of bridles; for some of them were used round in section belts and for the others – the flat ones. The bridle features caused differences in their decoration. Two versions of the reconstruction of the bridles made of round and flat belts were created. New observations confirm that barrow 3 of Slobozia was made for the burial of a mounted warrior of high social status (burial 3). The second pre-Scythian (“Cimmerian”) burial in the mound (burial 1) indicates that this barrow was specially marked and could be recognized by the early nomads of the region as “theirs” (“ancestral grave”).

Keywords: archaeology, Early Iron Age, Northern Black Sea region, Lower Dniester region, early nomads (“Cimmerians”), Slobozia, burial, horse equipment, completeness, reconstruction.

REFERENCES

1. Val'chak, S. B. 2009. *Konskoe snariazhenie v pervoi treti I-go tys. do n. e. na iuge Vostochnoi Evropy (Horse Harness in the First Third of the 1st Millennium B.C. in the South of Eastern Europe)*. Moscow: “Taus” Publ. (in Russian).
2. Val'chak, S. B., P'yankov, A. V., Khachaturava, E. A., Erlikh, V. R. 2016. *Kubanskiy mogil'nik. Materialy raskopok N.V. Anfimova 1965 g. (Kuban burial ground. Materials of excavations by N.V. Anfimov in 1965)*. Moscow, Krasnodar: Krasnodar State Historical and Cultural Museum-Reserve named after E. D. Felitsyn, IA RAS, State Museum of the East (in Russian).
3. Griaznov, M. P. 1980. *Arzhan. Tsarskii kurgan ranneskifskogo vremeni (Tsar's Burial Mound of the Early Scythian Period)*. Leningrad (in Russian).
4. Darzha, V. 2003. *Loshad' v traditsionnoy praktike tuvintsev-kochevnikov (The horse in the traditional practice of Tuvan nomads)*. Kyzyl: “TuvIKOPR SO RAN” (in Russian).
5. Ivanchik, A. I. 2001. *Kimmeriytsy i skify. Kul'turno-istoricheskie i khronologicheskie problemy arkheologii vostochnoevropeyskikh stepey i Kavkaza pred- i ranneskifskogo vremeni (Cimmerians and Scythians. Cultural, historical and chronological issues of the archaeology of the Eastern European steppes and the Caucasus of the Pre- and Early Scythian time)*. Moscow: “Paleograf” Publ. (in Russian).
6. Kashuba, M. T. 2013. In Vishnyatsky, L. B. (ed.-in-chief). *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik (Russian Archaeological Yearbook) 3*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University, 233–257 (in Russian).
7. Makhortykh, S. V. 2003. *Kul'turnye kontakty naseleniya Severnogo Prichernomor'ya i Tsentral'noy Evropy v kimmeriyskuyu epokhu (Cultural contacts of the population of the Northern Black Sea region and Central Europe in the Cimmerian epoch)*. Kiev: “Shlyakh” Publ. (in Russian).
8. Makhortykh, S. V. 2005. *Kimmeriytsy Severnogo Prichernomor'ya (Cimmerians of the Northern Black Sea Region)*. Kiev: “Shlyakh” Publ. (in Russian).

M.T. Kashuba carried out her part of research within the Fundamental scientific research of the state scientific academies (ФНИ ГАН) program on the topic of the State Task “Steppe pastoralist cultures, sedentary farmers and urban civilizations of Northern Eurasia in the Eneolithic-Late Iron Age (sources, interactions, chronology)” (FMZF-2022-0014).

9. Pankovskiy, V. B. 2015. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 265–296 (in Russian).
10. Sinika, V. S., Razumov, S. N., Tel'nov, N. P. 2016. *Arkheologicheskoe nasledie Pridnestrov'ya (Archaeological heritage of Pridnestrovie)*. Tiraspol: "Poligrafist" Publ. (in Russian).
11. Stepanova, E. V. 2012. In Piotrovsky, M. B. (ed.). *Kochevniki Evrazii na puti k imperii. Iz sobraniia Gosudarstvennogo Ermitazha. Katalog vystavki (The Nomad World. From the Archaeological Collections of the State Hermitage Museum. Exhibition Catalogue)*. Saint Petersburg: "Slaviya" Publ., 103–110 [Kat. 238–276 – S. 112–117] (in Russian).
12. Shulga, P. I. 2008. *Snariazhenie verkhovoi loshadi i voinskie poiasa na Altae. Ch.1. Ranneskijskoe vremia (Equipment of the Saddle Horseand Warrior Belts in Altai Part I. Early Scythian period)*. Barnaul: "Azbuka" Publ. (in Russian).
13. Yarovoy, E. V. 2005. *Mistika drevnikh kurganov (Mysticism of ancient barrows)*. M.: "Veche" Publ. (in Russian).
14. Yarovoy, E. V., Kashuba, M. T. 2002. In Iarovoi, E. V. (ed.). *Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ia (V tys. do n.e. – V v. n.e.) (Ancient Communities of Agriculturers and Cattle Breeders of the Northern Black Sea Region (5th Millennium B.C. – 5th Century A.D.))*. Tiraspol, 155–157 (in Russian).
15. Yarovoy, E. V., Kashuba, M. T., Makhortykh, S. V. 2002. In Ketraru, N. A. (ed.). *Severnoe Prichernomor'e: ot eneolita k antichnosti (The Northern Black Sea region: from the Eneolithic to Antiquity)* Tiraspol: "Tipar" Publ., 279–343 (in Russian).
16. Erlikh, V. R. 2005. In Gulyaev, V. I., Val'chak, S. B., Kuz'minykh, S.V. (eds.). *Drevnosti Evrazii ot ranney bronzy do rannego srednevekov'ya. Pamyati Valeriya Sergeevicha Ol'khovskogo (The antiquities of Eurasia from the Early Bronze Age to the Early Middle Ages. In memory of Valery Sergeevich Olkhovsky)*. Moscow: Institute of Archaeology, RAS, 167–182 (in Russian).
17. Erlikh, V. R. 2007. *Severo-Zapadnyy Kavkaz v nachale zheleznoogo veka (Protomeotskaya gruppa pamyatnikov) (Northwestern Caucasus in the Early Iron Age (Proto-Meotian Group of Monuments))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
18. Erlikh, V. R. 2019. In *Arkheologiya i davnia istoriia Ukraini (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 2 (31), 385–397 (in Russian).
19. Erlikh, V. R., Surkov, A. V. 2020. In Munchaev, R. M. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh (Historical and Archaeological Almanac)* 15. Armavir; Moscow: Armavir Museum of Local Lore, Institute of Archaeology RAS, 34–56 (in Russian).
20. Barnett, R. D., Lorenzini, A. 1975. *Assyrian Sculptures in the British Museum*. Toronto: McClelland & Stewart Limited.
21. Kaşuba, M. 2010. In Dergaciov, A. (ed.). *Istoria Moldovei. Epoca preistorică și antică (până în sec. V) (History of Moldova. Prehistoric and ancient epochs (up to the V century))* Chişinău: Acad. de Ştiinţe a Moldovei, Inst. Patrimoniului Cultural, Centru Arheologie „Tipografia centrală”, 399–413 (in Romanian).
22. Rizzo, A. 2007. *The Assyrians and the Babylonians. History and treasures of ancient civilization*. Vercelli: White Star.

About the Authors:

Stepanova Elena V. The State Hermitage Museum. 34 Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; stepalena@yandex.ru

Kashuba Maya T. Candidate of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. 18A Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; mirra-k@yandex.ru

Статья принята в номер 11.07.2024 г.